

ЗЛАТОШВЕЙ КУТЮРА

• ТЕКСТ | Надежда АБРАМОВА

Среди полутора десятка коллекций высокой моды, показанных в Париже, вы не найдете двух платьев одинаковых фасонов, двух идентично завязанных бантов, двух схожих фрагментов кружев. Да и откуда же им взяться, если творческая мастерская каждого кутюрье — тайна за семью печатями и строго охраняется от нескромных глаз? Заблуждение! Есть человек, который видит все коллекции от кутюр еще в эскизах, ловит на лету идеи кутюрье, воплощает задумки в стразах и жемчуге, никогда не повторяясь и не копируя самого себя. Маэстро бисера и блесток, потомственный вышивальщик Франсуа Лессаж принимает нас у себя в гостях в мастерской на улице Гранш Бательер.

— **Господин Лессаж, расскажите, пожалуйста, немного об истории Дома.**

— История Дома Лессаж — это история высокой моды. Показы моделей, придуманные и осуществленные Чарльзом-Фредериком Вортом, привели к бурному развитию модного дела. Уже в 1895 году в Париже на моду работало 90 тысяч человек: портных, белошвеек, ткачей, изготовителей пуговиц, мастеров по тесьме, галунам, кистям, бантам... Одним из таких мастеров был вышивальщик Мишонэ, который работал в Доме Ворта, а затем и в других домах — Вионэ, Пуарэ, Дежени.

Мой отец Альбер Лессаж работал в так называемом комиссионном доме, был комиссионером-посредником, встречал иностранных коммерсантов, американских и прочих, приводил их в швейные или текстильные дома или же продавал шелка и ткани для модных домов.

В первый день войны 1914 года отец был ранен и взят в плен, почти пять долгих лет он оставался в Германии. Ностальгия заставила отца взять в руки карандаш. После освобождения и возвращения во Францию он показал наброски, сделанные в плену, Маршелу Филлу из Чикаго. Американцу они очень понравились, и до 1921 года отец успешно

руководил отделом индивидуально пошива костюмов. Но когда ему предложили купить Дом пожилого уже в то время вышивальщика г-на Мишонэ, отец был рад возможности вернуться в Париж.

Это было великое время Дома Мадлен Вионэ. Отец был постоянным, аттитрованным вышивальщиком у мадам Вионэ. Ответственным за контакты с вышивальным Домом Мишонэ у Вионэ работала молодая женщина, Мария-Луиза, которую на модный в то время китайский ма-

нер звали Йо. Случилось так, что эта молодая женщина встретилась с господином Лессажем, и этой встрече я обязан своим появлением на свет.

Отец был очень хорошим рисовальщиком, а мать — замечательным колористом. Они прекрасно дополняли друг друга. Сто процентов тех вышивок, которыми славен Дом Вионэ, были созданы здесь.

Так было до начала Великой депрессии. В этот сумрачный период отец был вынужден закрыть свое предприятие, ему еще повезло, что на вырученные от продажи деньги он смог сохранить архивы с 1860-х по 1920-е годы.

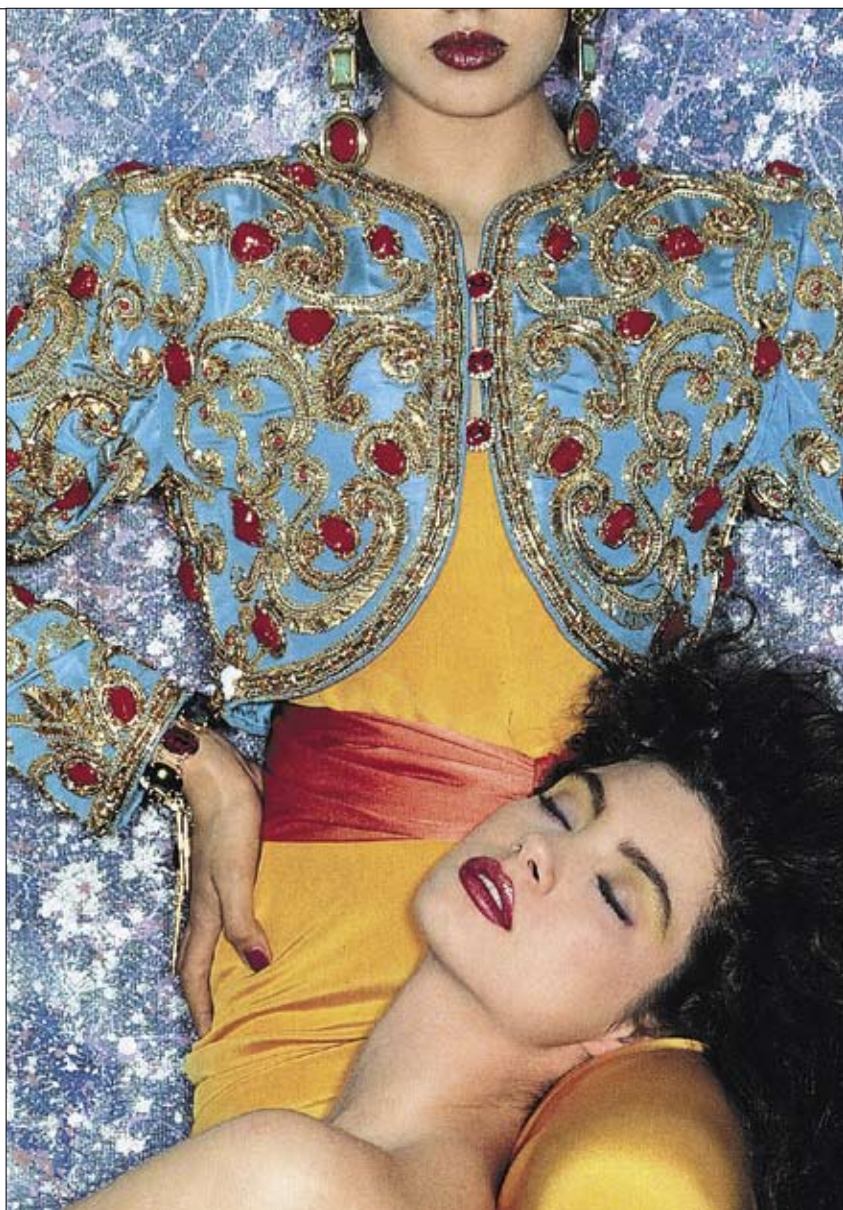
А в 1933-1934 годах был дан второй старт высокой моды. В 1936-м вышла знаменитая коллекция Эльзы Скиапарелли «Цирк». Повторилась история с Вионэ: все, что было сделано для Скиапарелли в вышивке, было сделано у Лессажа. До 1940 года Дом Лессаж — это Вионэ, с одной стороны, Скиапарелли — с другой.

Началась война. В период оккупации мой отец оставался в Париже, он был единственным, кто в эти годы рисовал, несколько работниц вышивали для испанцев, шведов, швейцарцев. Конечно, балов не было, маршал Петен запретил публичные собрания в Париже. Но иногда были, например, свадьбы. Вышивали на чем угодно, на мешках из-под картошки, но с большой выдумкой, с фантазией. То есть какая-то деятельность продолжалась.

Затем — освобождение. И вновь — движение, новый рывок в мире высокой моды. Диор, Бальмен, Жак Фат... Французская высокая мода ожила.

— **Как началась ваша деятельность в Доме отца?**

— Еще до войны я приходил сюда, в этот Дом, пробовал что-то сделать или изобразить, сохранилась даже одна вышивка по моему рисунку.

Я, как ветерок, пробегал по Дому, мне все нравилось — люди, запахи, все забавляло... Мне доверяли очень почетную роль — собирать деньги. Каждый четверг я приезжал из школы домой (сейчас у детей свободный день среда, а тогда у нас был четверг) и шел в различные модные дома собирать оплату.

В 1948 году отец сказал мне: «У тебя есть диплом об образовании, неплохо бы тебе поехать в Америку, научиться американской деловой хватке». И в ноябре из Руана, где я провел ночь в совершенно холодной гостинице — в ней не было окон, город во время войны очень сильно бомбили, — я на греческом судне «Либерти» отправился в Америку. Это было одно из тех судов, которые доставляли уголь во Францию и отплывали обратно пустыми, нелегально принимаемая на борт пассажиров. Кроме меня,

-
- **В 1948 году отец сказал мне: «У тебя есть диплом об образовании, неплохо бы тебе поехать в Америку, научиться американской деловой хватке». И в ноябре из Руана я на греческом судне «Либерти» отправился в Америку**
-

было еще пять «зайцев»: две монахини, которым я каждый день по утрам чинил часы в каюте (корабль болтало, и часы стучались об стену), одна француженка, которая плыла в Америку, чтобы выйти замуж, и два американских студента, которые мыли посуду, чтобы оплатить свое путешествие. Поскольку мы были тайными пассажирами, то не могли в Балтиморе официально сойти с борта, и спустились с корабля по веревочным лестницам, включая монахинь.

У моего отца был налажен бизнес со счетными линейками (предок современного калькулятора).

Отправляя меня в Америку, он дал мне энное количество с собой, чтобы я предлагал их для продажи. А другой мой друг, ювелир, огранщик алмазов, сказал мне перед отъездом: «Мне нужно послать в Нью-Йорк для Van Cleef et Arpels бриллиантов на \$10 тысяч». Вот так, с линейками и бриллиантами в кармане, я отправился через всю Америку и добрался до Голливуда.

— **Итак, вы в Америке. Как складывается там ваша карьера?**

— Мне еще нет 20 лет, я учу английский, отдыхаю, гуляю, прекрасно провожу время. И вот встречаю

Жана-Луи, великого дизайнера, бывшего в то время художником на студии «Коламбия Пикчерз». А крестная моего брата, у которой я жил, была директором у одного кутюрье высокой моды в Голливуде. Они задались вопросом: «Здесь сын Лессажа, почему бы нам не поработать вместе?»

Тогда в мире кино царила обеспокоенность. Начинало развиваться телевидение, и работники киноиндустрии боялись, что оно займет место кинематографа, полностью его вытеснит. На студии решают снимать фильмы с Марлен Дитрих, Ланой Тернер, Авой Гарднер. Решение: мы будем сотрудничать. Я нашел небольшую мастерскую, образцы и фурнитуру я получал из Франции от отца, дело пошло, и я открыл собственное ателье. На открытии присутствовал консул Франции, Марлен Дитрих, для которой я делал платья, Лана Тернер. Мне всего двадцать, я в Голливуде, и мне хотелось, конечно, только одного — там остаться.

Но наступает 1949 год, мне пишет дядя, мне пишет мать: «Ты должен вернуться, отец болен». Письма становятся все более настойчивыми, я решаю ненадолго съездить во Францию и вернуться в Америку. Приезжаю, меня сажают вот на это самое место, где я сижу сейчас, и говорят: «Ты — глава Дома».

— Как приняла вас Франция?

— В Америке я был таким «маленьким принцем». Но вернулся во Францию, и кто я здесь? Сын Лессажа, которому еще учиться и учиться.

Это было время, когда в Париже работало несколько вышивальщиков для домов высокой моды, а самих домов было более сорока. У меня был конкурент, лет на сорок старше меня, его звали Рэбэ. По большому счету, в жизни у меня было три учителя: мой отец, который был художником,

моя мать — колорист, и этот господин Рэбэ. Именно он научил меня «кухне» моей профессии. Для меня кухня и вышивка — одно и то же. Он научил меня готовить соус, под которым нужно подать блюдо, научил принять решение, сломать какие-то правила и традиции, чтобы получить что-то новое, необычное, чтобы вышивка не была лишь точной копией того, что делали в XVIII веке.

— Какие открытия вы сделали за годы в своей профессии?

— Мне повезло узнать таких великих кутюрье, как Ив Сен-Лоран, Карл Лагерфельд, который начинал у Жана Пату, Жан-Поль Готье... Я познакомился с Кристианом Диором, ходил к нему в гости, он всегда сидел в белом пиджаке с указкой в руках... Юбер де Живанши, он работал у Скиапарелли, он был ростом 2 м 3 см, а потолок в его бюро был 2 м 10 см, поэтому, когда он вставал, казалось, что головой он упирается в потолок. Понемногу я проникал в интимность профессии.

Однажды я прихожу к Иву Сен-Лорану, он говорит: «Видите эту люстру? Посмотрите, как она отра-

жается в зеркале шкафа, где также видно отражение парижского неба. Я бы хотел такую же вышивку!» В итоге было создано знаменитое платье «В честь моего Дома».

Со временем я понял: когда что-то делаешь, не нужно идти по пути предоставления себе самому удовольствия. Нужно следовать желанию клиента. Нельзя прийти и сказать: «У меня есть идея», а надо сказать: «Помните, год или два назад, уж не помню когда, вы мне предложили... Может быть, нам попробовать это сделать? Как бы могло красиво получиться». Если вы работаете в высокой моде в качестве поставщика, вы — уже дипломат и можете работать в МИДе.

— О чем вы думаете, когда вспоминаете прошедшие годы?

— Мне посчастливилось пережить великие моменты высокой моды, которые останутся великими моментами. Я говорю об этом без грусти, потому что у меня за спиной остается путь, который я прошел. Как говорит мой врач: «Лессаж, жизнь — это ралли Париж-Дакар. И ты все же теперь ближе к Дакару, чем к Парижу». Несколько лет назад нас купил Дом Шанель. Я сделал это, потому что, во-первых, уже приближаюсь к Дакару, а во-вторых, для своих мастеров, для сохранения всех этих уникальных профессий.

— Что для вас самое главное в профессии?

— Возможно, в свой последний час я скажу: «Я немного жертвовал своей семьей, своими друзьями в угоду своему делу. Но у меня была профессия, которая была моей страстью». И я всегда старался сохранить атмосферу сомнения и поиска. Когда ты думаешь, что ты достиг вершины, неизменно покатишься вниз; и когда думаешь, что можно было бы сделать еще лучше, будешь двигаться вверх. ■

Надежда Абрамова — автор, ведущая и генеральный продюсер телевизионных проектов. В настоящее время Продюсерский центр Надежды Абрамовой выпускает программу «Мужское начало», которая выходит на канале «ТНТ — Петербург» каждое воскресенье в 9:40. Круг тем, затрагиваемых в программе, очень широк: культура, традиции, спорт, отдых, дизайн, мода, технические и автомобильные новинки, виноделие. Даже в кризисное время проект «Мужское начало» остается популярным. Программа вовлекает зрителя в процесс соучастия, сотворчества и создания гениальных вещей, заряжая позитивной творческой энергией, стремлением к гармонии.